

О РАБОТЕ ЛАТВИЙСКОГО ОТРЯДА ПРИБАЛГИЙСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. в Латвийской ССР продолжал работу этнографический отряд Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.

Работа отряда в составе семи человек продолжалась полтора месяца (сентябрь — октябрь)¹.

Отряд проводил основную полевую работу на территории Краславского района Латвийской ССР, а рекогносцировочные обследования — на территории БССР, в частности в Полоцком районе. Кроме того, Р. Я. Денисова собирала этнографический и антропологический материал на территории Баусского района Латвийской ССР, а О. П. Бояр работала на территории Великолукской области РСФСР.

Краславский район — смешанный в этническом отношении; здесь живут латыши (латгалцы), русские (потомки бывших старообрядцев) и белорусы.

Сбор материала в 1959 г. проводился, как и в предыдущие годы, в плане всестороннего этнографического изучения народов Советской Прибалтики — их происхождения, этнической истории, культурных взаимоотношений с соседними народами (в Краславском районе, в частности, с русскими и белорусами), а также социалистического колхозного быта.

Маршрут отряда был составлен на месте с учетом полученных в райисполкоме данных о национальном составе района, об экономике колхозов. Изучались колхозы с преобладающим латышским (латгальским), с преобладающим белорусским и преобладающим русским населением. Были обследованы десять колхозов Аулейского, Шкельтовского, Извалтского, Красноармейского, Калниешского, Ионинского, Козиньского и Краславского сельских советов. Дополнительно были проведены работы в Домниковском и Сестренском сельсоветах Полоцкого района БССР с тем, чтобы получить сравнительный материал для анализа культуры белорусов Краславского района, которые некогда представляли единое целое с населением теперешней БССР.

Следует отметить, что населенные пункты колхоза имени Куйбышева Домниковского сельсовета в Полоцком районе не были разрушены во время войны, тогда как деревни и рабочий поселок совхоза Сестренского сельсовета построены после войны на месте пепелищ; это был район очень активного партизанского движения в Белоруссии. Кроме сбора полевого этнографического материала (в первую очередь по этническому составу и расселению отдельных этнических групп), были изучены этнографические коллекции в Полоцком краеведческом музее и в Государственном историческом музее в г. Риге.

Исследования по национальному составу Краславского района показали, что русское население сосредоточено в северной части района, латышское (латгальское) — в западной, белорусское — в восточной и южной частях. Основным источником для изучения этого вопроса были похозяйственные книги сельсоветов. Участниками отряда делались выписки о национальном составе каждой семьи изучаемого колхоза и сводные сведения по другим колхозам сельсовета. При сборе этого материала возникали иногда неясности в определении национальной принадлежности отдельных членов семьи, особенно при смешанных браках. Уточняли это путем опроса членов данной семьи.

Интересные данные для выяснения этнической истории этого района дали материалы по топонимике, показавшие, что в северной его части названия лесов, болот — русские, в северо-западной части — русские и латгальские вперемешку, в восточной и южной части — белорусские, что совпадает с расселением на территории района всех трех этнических групп. Белорусы — исконные жители территории Краславского района. Русские (потомки бывших старообрядцев) переселились сюда в XVII—XVIII вв. По

¹ Начальник отряда Р. Я. Денисова, этнографы — Н. И. Лебедева, Э. А. Каменецкая, Л. А. Ингульская, М. Н. Морозова, О. П. Бояр, художник Н. А. Юсов.

численности преобладает латышское (латгальское) население, второе место принадлежит белорусам, третье — русским.

Смешанные браки русских с латышами и белорусами раньше были редким явлением. Между латышами и белорусами браки заключались несколько чаще. Этому способствовало то обстоятельство, что как латыши (латгалцы) Краславского района, так и белорусы были католиками. В настоящее время браки свободно заключаются между всеми тремя группами населения.

Национальная принадлежность детей в смешанных семьях определяется по-разному.

Материал о составе семей собран по хозяйственным книгам, а также путем опроса населения и записи биографий в отдельных семьях. Обследовано анкетным методом 1740 семей. Выяснилось, что в каждой колхозной семье несколько лиц работает вне колхоза, главным образом в городах, но экономически они часто сохраняют связь со своей семьей.

Главой семьи, как правило, является муж, а после его смерти — жена. Если в дом в прошлом был взят приймак (т. е. муж поселялся в доме жены), то главой такой семьи чаще до настоящего времени считается жена.

В семьях, где только один работающий в колхозе и в домашнем хозяйстве обеспечивает семью (молодая жена или кто-либо из детей), иногда этот член семьи и считается главой ее.

Большое внимание уделялось изучению материальной культуры. Собран значительный материал по сельскохозяйственным орудиям, жилищам, одежде, домашнему прядению и ткачеству, вышивке. Сделано много зарисовок и фотоснимков.

Сельскохозяйственные орудия (соха, борона, цеп, вейлка, лопата, серп, коса, катки) и приемы работы у всех трех групп населения совершенно одинаковы. Различия имеются лишь в терминологии некоторых частей орудий.

Соха — с цельной рассохой, с короткими оглоблями; лемехи — коловые и пластинчатые. Соха изредка употребляется некоторыми колхозниками при перепашке или копке картофеля на приусадебном участке. Бороны: смык из еловых сучьев (дер. Дворище Красноармейского сельсовета), различные бороны с дубовыми зубьями (последние еще имеются в инвентаре колхозов). Цеп однотипен по всей территории — ремень проходит через отверстие в биле и надевается петлей на ручку. Лопата для веяния маленькая, у всех трех групп населения известна под названием «шuffling». Ею веют сидя. И цеп, и лопата — общие с соседней БССР, а также с некоторыми частями Псковской и Великолукской областей РСФСР. Известна молотба хлеба лошадьми при помощи катков.

Собранные материалы подтверждают преобладание традиционного типа жилища, характерного для восточных районов Прибалтики, и показывают изменения, происшедшие во второй половине XIX в. и особенно в 1920-е и 1930-е годы.

До организации колхозов (1949 г.) основной формой поселений был хутор. Некоторые селения вышли на хутора в 1907—1909 гг. по столыпинской реформе. Большая часть деревень была разбита на хутора в период буржуазной республики в Латвии.

Планировка старых деревень была уличная. Примером такой деревни, оставшейся на старом месте, является Сукайлино в Шкельтовском сельсовете.

Наиболее старым типом жилого дома у всех групп населения как на территории Краславского района, так и у белорусов в Полоцком районе БССР была курная изба с сенями. Из рассказов стариков-информаторов выяснилось, что последняя курная изба в Краславском районе исчезла около 70 лет тому назад. К курной избе стали пристраивать второе помещение, в результате чего получился дом с двумя избами и сенями посередине. В одной избе жили постоянно, другая считалась чистой, или праздничной. Вместо печи, топившейся «по-черному», стали делать печь типа русской, с трубой. Печь в старых домах расположена у боковой стены около двери, устьем к продольной стене.

Хлев в старину строили параллельно дому, причем крыши их смыкались (двухрядная планировка двора). Позднее, в конце 1920-х — начале 1930-х годов хлев стали строить на некотором расстоянии от дома, но по-прежнему параллельно ему и соединяли их воротами. Остальные хозяйственные постройки располагали свободно на усадьбе.

В новых домах колхозных поселков наблюдается довольно свободная планировка, а чаще всего устраивают перед домом небольшое крыльцо, из которого входят в сенях или столовую и кухню; по одну сторону от сеней расположена спальня, по другую — чистая комната; эти помещения делятся произвольно перегородками.

Планировка дворов и домов, построенных после Великой Отечественной войны в Полоцком районе, очень разнообразна. Хлева обычно стоят отдельно от жилой постройки и в самых различных положениях по отношению к ней.

Отряд Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции уделил большое внимание изучению коренных преобразований в типах поселений и облике населенных пунктов в связи с активным переселением колхозников с хуторов в благоустроенные колхозные поселки, с новым строительством в колхозах, которое заметно развивается по сравнению с предыдущими годами. Во всех колхозах, в которых были члены отряда, имеются проекты новых колхозных поселков, в соответствии с которыми интенсивно строили в первую очередь хозяйственные, производственные и общественные здания колхоза.

Таким образом, старый тип дома и планировка двора у всех трех этнических групп населения Краславского района (латышей, белорусов, русских) и белорусов Полоцкого района одинаковы. Отличия имеются только во внутреннем убранстве, в терминологии, в пропорциях построек.

При полевом сборе материалов по одежде в одинаковой степени уделялось внимание изучению старого и современного костюма. Старые формы одежды сохранились лишь у русских как одежда «моленная» и погребальная. Комплекс традиционной одежды приходилось восстанавливать по воспоминаниям пожилых людей. Сарафан и рубаха хранились у престарелой женщины в д. Шкельтово Краславского района, а у жительницы д. Сувалково также хранился большой набор домотканной одежды — юбки, рубахи с плечиками с блузкой и головной убор — «обертку» в виде белого покрывала с тканым узором по краям.

В народной одежде, как и в жилище, обнаружено много общих черт у всех трех групп населения: у латышей и белорусов — домотканые полосатые и клетчатые юбки, передники из одного полотнища; русские, латыши (латгальцы) и белорусы в прошлом носили лапти типа, который известен в литературе как «белорусский».

Специфичны для латышей (латгальцев) женская рубаха с нашивками на плечах, мужская туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, мужские штаны с трапецевидной вставкой; для белорусов — мужская и женская рубаха с «вставкой» (прямым поликом), штаны с четырехугольной вставкой; для русских — сарафан разных видов, женская рубаха с прорамками, мужская рубаха-косоворотка и штаны с клиньями, а также «московский» тип лаптя (наряду с «белорусским»). Совместная жизнь способствовала заимствованию латышами и белорусами русской рубахи-косоворотки и русских штанов с клиньями. В 1900-х годах у всех трех национальностей распространяется рубаха с кокеткой — «с блузкой».

Со второй половины XIX в. в обследованные районы интенсивно проникает городская одежда, начинается изготовление одежды городского покроя из домотканнины. Появляются расклешенные юбки, мужские брюки, пиджаки и проч.

Материалы экспедиции позволяют восстановить типы народного костюма, бытовавшие ранее на данной территории; по ним можно также проследить особенности процесса перехода населения к одежде городского типа. И сейчас иногда встречается рабочая одежда из домотканнины, но она по покрою не отличается от городской.

Итак, в старинной одежде, как и в жилище, обнаружено много общих черт, которые могут служить одним из доказательств постоянного культурного общения латышей, белорусов и русских. В настоящее время в одежде различий нет.

Домашнее прядение и ткачество у русских жителей этого района (у которых оно и раньше не было особенно развито) исчезли; у белорусов и в большей мере у латышей в некоторой степени сохраняются. В орудиях прядения и ткачества и в самих приемах прядения и ткачества у этих групп населения много общего, но есть специфика. В технике ткачества следует отметить широко развитое многоподножное ткачество, в котором латышские женщины достигли большого совершенства. Они изготавливают одеяла с разнообразными узорами и богатой расцветкой. Русские и белорусы многое переняли у них в технике ткачества. Наряду с многоподножным ткачеством отмечается широко развитое браное ткачество, образцы которого сохранились главным образом у русских и белорусов. У белорусов встречается и закладная техника ткачества.

Отрядом изучались комплексно все стороны жизни колхозного крестьянства — производственный быт, домашний быт и семейные отношения, культурное строительство (работа сельских домов культуры, колхозных клубов, библиотек, красных уголков, кружков колхозной художественной самодеятельности).

Для изучения экономического положения были выбраны колхозы лучшие, средние и отсталые. Были использованы колхозные годовые отчеты, велись беседы с колхозным руководством, партийными работниками, агрономами. Выяснены степень механизации, задрры, преобладающие сельскохозяйственные культуры, развитие фундаментального строительства помещений для скота. Собранный материал подтверждает рост и укрепление экономики в большинстве колхозов Краславского района.

В обследованных колхозах района преобладает животноводческое направление, в некоторых колхозах значительен также доход от льноводства.

В 1958 и 1959 гг. были сделаны значительные шаги к поднятию благосостояния населения отстающих колхозов Краславского района, начато строительство механизированных ферм, вводится многополье и большее, по сравнению с первыми годами колхозного строительства, употребление органических и минеральных удобрений.

Полевые материалы свидетельствуют об исторически сложившихся дружественных связях и тесных взаимоотношениях в быту живущих рядом народов — латышей, русских и белорусов и в то же время о самобытности культуры и быта каждого народа. Материалы эти позволяют сделать некоторые выводы об этногенезе и этнической истории населения Краславского района и соседних районов Белоруссии. Желательно, чтобы в 1960 г. Латвийский отряд продолжил полевую работу в восточных районах Латвийской ССР, пограничных с РСФСР и БССР, в первую очередь в Каравском районе, где русское население живет смешанно с латышским. Это, без сомнения, даст ценный материал по этнической истории края, а также по колхозному строительству.

М. Морозова